

Виновник торжества

Второй план первой свежести

В недавнем интервью любитель всяческих парадоксов Алексей Герман назвал себя режиссером второго плана. С точки зрения привычной фестивальной табели о рангах действительно парадокс. Представьте себе некий гипотетический расклад жюри: лучшим фильмом признан такой-то, лучшим режиссером сякой-то, а лучшим режиссером второго плана Алексей Герман. Скандал, какого еще не было!

А между тем, самооценка мэтра весьма тонка и многозначна, если вспомнить не только фабульные связи, но и атмосферу всех его картин. Обладая волшебным даром замечать подробности жизни, он не укрупняет их, наоборот, растворяет в общем потоке изображения, получая многомерную картину мира. Его ощущение подробностей жизни — это ощущение правды, вернее, вечный поиск ее в действительности и в себе самом. В его последней законченной картине «Хрусталева, машину!» способность режиссера концентрировать события и тут же растягивать их во времени достигает невиданной прежде рельефности. Когда в кадре одновременно находятся несколько персонажей и каждый из них говорит свое и движется по своей траектории, и предметы быта живут сами по себе, а все пересекается в гуле голосов и жизненной предначертанности прошлого и будущего.

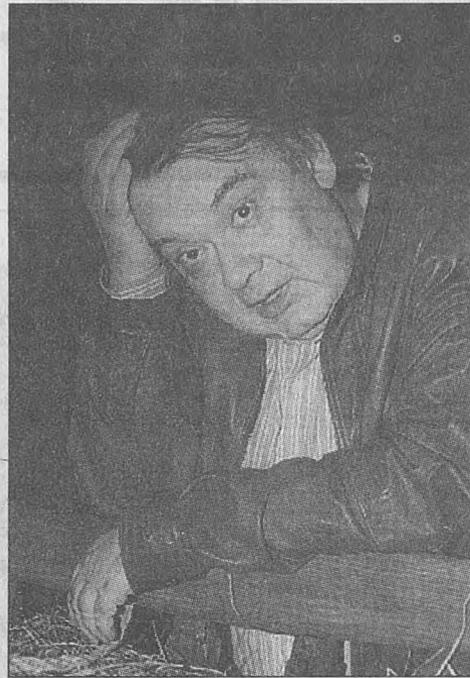
И вместе с тем он мастер эпического масштаба. Что может сравниться с проходимо баржи с военнопленными из «Проверки на дорогах»? Когда из серой, едва различимой пелены возникает этот библейский ковчег с несча-

стными, обреченными узниками войны, и камера укрупняет это видение, выхватывая из общей человеческой массы пушечного мяса живые лица живых людей, которые в мгновение ока могут стать мертвецами, если не дрогнет совесть у партизанского командира, если поступится он милосердием, если еще большей жестокостью ответит на и без того беспредельно жестокий закон войны. А оркестр подростков из «Двадцати дней без войны»? Где рекевием страдания и торжество жизни до слез слитны, вырастают одно из другого. А проезд кавалькады черных лаккардов из «Хрусталева...»? Ведьминский шабаш страха, неостановимый каток черной силы, которая подминает под себя все живое.

С этими и многими другими германовскими кинематографическими видениями не может ничто сравниться, ибо есть явления единственного числа и рода. Они определяют собой вперед и на многие, многие годы и нашу способность ощутить то, что ты до этого никогда не ощущал. Ведь не случайно все, кто у него снимался, в один голос говорят, как Герман умеет почувствовать нутро актера, вытащить на свет божий самое сокровен-

ное, то единственное, что и останется как неповторяющееся откровение.

Его в глаза и за глаза называют великим. Он не возражает, одновременно наделенный чувством достоинства, мальчишеской отвагой, болезненной тягой к справедливости и столь же редчайшей способностью оглядеться окрест ироничным взглядом мудреца. Пару недель назад я навестил его в Репине, где он построил дом на берегу залива. Последние месяцы он много хворал и ходит, опираясь на палку. Мы вспомнили массу смешных подробностей из сорока с лишним лет знакомства, а может быть, и дружбы, разделенной месяцами невстреч и разными географическими координатами, но скрепленной общими испытаниями в отношениях к жизни и искусству. А он рассказывал о праздновании 300-летия Петербурга с такими уморительными подробностями своего личного там участия среди королей и премьер-министров, что это просится на чистый лист бумаги. Между прочим, во время вынужденного простоя на картине «Трудно быть богом» они со Светланой Кармалитой кое-что из воспоминаний уже доверили бумаге. Один из текстов Герман отдал нашей газете. Но когда

я поздравлял его по телефону с 65-летием, он сказал, что, пожалуй, не стоит его сейчас печатать. В общем-то проявил великодушие, а может быть, чувство брезгливости, ибо текст забористо конкретен и убийственно подробен.

Он непредсказуем. И в этом его неповторимая индивидуальность. Он так давно стал самим собой, что уже никогда не переделается. Его пространство в кинематографе огромно. Трудно быть богом, трудно быть Германом, трудно быть классиком. А ведь ничего — справляется!

Александр АВДЕЕНКО